

Поярков Сергей Юрьевич

КОНСТИТУЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/9/6.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 9 (52). С. 17-20. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

кто рассчитывает получить работу в крупных фирмах, банках, страховых компаниях и т.д. Английский язык является средством общения между дипломатами, авиационными диспетчерами, работниками правоохранительных органов, таможенных служб и т.д. Как показывает практика, другие языки, в том числе и те, которые являются официальными языками ООН, в том числе и русский, постепенно теряют свою значимость, ареал их распространения сужается, число носителей данных языков уменьшается, активно используемый словарный запас становится все более и более скудным, разговорная речь и письменные тексты стремительно насыщаются чужеродными заимствованиями, представляющими, образно говоря, кальку с английского и бессмысленными. Этот процесс нарастает год от года, и если сохранятся те тенденции, о которых речь шла выше, то недалек тот день, когда большинство жителей прежде всего развитых стран будут говорить на английском, а не на языке своих предков. Однако, как было сказано еще Гердером, «всякий язык - это сосуд, в котором отливаются, сохраняются и передаются идеи и представления народа. Особенно, если народ привязан к своему языку и всю свою культуру выводит из языка» [1, с. 56].

В процессе глобализации исчезает многообразие типов культурного взаимодействия. По мере ее углубления и расширения доминирующим типом взаимодействия между различными культурными мирами становится экспансия, в ходе которой происходит насильственное внедрение в систему ценностей одной культуры ценностей другой культуры. Сегодня является очевидным, что на протяжении последних десятилетий происходит массированное насыщение культурного пространства различных стран образцами американской массовой культуры, что вызывает тревогу не только у радикально настроенных фундаменталистов и консерваторов, но и у трезвомыслящих политиков, общественных, религиозных деятелей, хорошо представляющих последствия переориентации широких слоев населения на ценности американского масскульта.

Глобализация дискредитировала идеалы Просвещения, продемонстрировав на практике, что в глобальном мире неприемлемо существование ни индивидов, ни государств, руководствующихся принципами свободы, равенства и братства. Она создала предпосылки для превращения интеллигенции в сообщество интеллектуалов. Ее идеологами были предложены новые критерии значимости этносов - не по культуре, а по способности вписаться в глобальную экономику, найти свою нишу в системе разделения труда.

Но самое главное негативное последствие превращения глобализации в мировой феномен состоит в том, что глобализация нанесла мощный удар по базовым структурам практически всех национальных культур.

Именно с отмеченными негативными последствиями и связано неприятие того варианта глобализации, который осуществляется в настоящее время. С этим связан и интенсивный поиск ее альтернативных моделей, который ведется сегодня учеными, политиками, общественными деятелями многих стран мира.

Список литературы

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2004.
2. Гердер Й. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
3. Федотова Н. Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек. 2009. № 6.
4. Шендрик А. И. Социология культуры. М., 2005.

УДК 321.015

Сергей Юрьевич Поярко

Ставропольский государственный университет

КОНСТИТУЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ[©]

Феномен конституционной государственности предполагает особую систему государственного устройства и жизнедеятельности государства, отражающих основные постулаты действующей конституции. Причем не только как нормативно-правовое основание, а, прежде всего, как политико-идеологический базис. В этой связи возникает проблема конституционного регламентирования деятельности государственной власти. Ибо государство, в котором государственная власть не знает ограничений, не есть вполне конституционное государство. Обладание народом законодательной властью не есть гарантия того, что существует правовой порядок; даже в республиках может существовать самый необузданный деспотизм, а административно-полицейский режим в конституционных монархиях служит очень часто орудием фактического самодержавия. Для того чтобы «в государстве воцарился правовой порядок, чтобы государство стало правовым государством, должна быть ограничена самая государственная власть, независимо от формы правления» [7].

Б. А. Кистяковский в начале XX в. сформулировал принципиальное положение о том, что современное конституционное государство основано на компромиссе. Этот вывод особенно важен и актуален в настоящее время. Б. А. Кистяковский писал: «Но если современное конституционное государство оказывается часто основанным на компромиссе даже по своей социальной организации, то тем более оно является таковым

по своей политической и правовой организации» [10]. В свою очередь В. М. Гессен считал конституционным государство, в котором народ или народное представительство принимают решающее участие в осуществлении законодательной и учредительной власти. Наличием представительных учреждений, облеченных законодательной властью, конституционное государство отличается, во-первых, от абсолютной монархии, в которой все органы верховного управления, за исключением монарха, имеют совещательный, а не законодательный характер, и, во-вторых, от сословной монархии, в которой не народное представительство, а представительство отдельных сословий или чинов участвует в осуществлении законодательной власти [3].

Немецкий государствовед Й. Изензее, давая описание современного конституционного государства, отмечает, что «задача конституции правового государства состоит в том, чтобы обеспечить свободу его граждан и связанность государственной власти правом» [9], что конституция, «очерчивая границы государственной власти... ставит барьеры, препятствующие злоупотреблению властью». Соответственно, конституция в рамках понимания конституционного государства позиционируется как категория более широкого порядка, чем просто нормативный акт, имеющий высшую юридическую силу.

Конституция как формально основной государственный документ становится реальным с принятием конституции США в 1787 году. Как отмечал Д. Сартори [33], английская неписаная конституция, исходящая из идеи верховенства права, была затем лишь формализована американской писаной Конституцией 1787 г. Поэтому, хотя в Западной Европе конституционализм и сложился под большим влиянием концепции парламентского права, в целом конституционализм решил проблему правового обеспечения политической свободы в универсальной форме. Недаром Т. Джефферсон отмечал, что конституционные принципы США родились из сочетания свободных принципов английской конституции, идей естественного права и здравого смысла [6]. Ф. Хайек соглашался с этим, подчеркивая, что идея высшего закона, управляющего ординарными законами, не является новой. Уже в XVIII в. она косвенно прочитывалась в концепциях права Божьего, права Природы и Разума. Первоначальное же допущение того, что некий высший закон следует позитивно изложить на бумаге, принадлежит американским колонистам. Именно из этого допущения, как писал Р. Дворкин, выросла затем двухуровневая конституционная теория. Первый уровень в ней устанавливал, чьи верования, намерения и действия должны составить основу конституции. Второй же уровень посвящался вопросам конкретного содержания конституционных норм [28].

Данное положение является значащим в силу того, что сама по себе конституция государства не может быть навязана государством. В случае же такого развития событий существует опасность непонимания сути, а то и полным неприятием такой конституции народом. В этой связи ценно замечание Д. Маршалла, который в 1821 г. замечал, что «народ творит конституцию, и только народ может ее изменить. Это творение собственной воли народа, и оно живет лишь благодаря воле народа» [31]. В более специальной трактовке это означает, что конституция является «формой основного закона, который устанавливает полномочия правительства и ограничивает их в целях защиты личных прав и содействия всеобщему благу». Еще Ж. Ж. Руссо делал акцент на том, что конституция складывается из совокупности политических законов, определяющих отношение суверена к государству [20]. Признав, что в его определении сувереном выступает народ, можно получить современную интерпретацию конституции как закона, определяющего фундаментальное отношение гражданского общества к государству. Появление конституций как основы установления политических отношений в рамках определенной системы, формализуемой в виде конституционной государственности, положило в основу данных отношений гегелевский принцип: «Абстрактное есть право, осуществление его - государство» [2].

Понимание необходимости конституционного устройства в России формируется в более поздний период, чем в иных европейских государствах и в противоречивой обстановке. Так, в 1886 г. М. Муравьев-Апостол высказывался в том смысле, что конституция не составляет счастья народов, а потому и непригодна для России [16]. Тем не менее, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона уже дается следующее определение: «Конституция - учредительный закон, основной закон, устанавливающий основные начала государственного устройства данной страны. Обыкновенно название это дается основным законам тех стран, государственное устройство которых основано на начале народного представительства» [23]. Аналогичное понимание конституции было отражено Л. Слонимским в 1905 г. в предисловии к «Конституции Российской Империи», который определял конституцию как совокупность законов, правил и обычаев, определяющих характер и способы действия власти в государстве, общий строй и порядок управления в нем, права и обязанности народа и отдельных лиц по отношению к правительству и его органам [11]. На особый статус конституции как ограничителя государственной власти указывал и М. Возняк - конституция регулирует устройство и формы деятельности государственной власти, а также отношения между гражданами и властью [1].

Новый этап понимания конституции в России связан с периодом после революции 1917 года, в результате которой конституция трактовалась юристами как, преимущественно, результат и запись сложившегося ранее соотношения классовых сил [15]. И это несмотря на то, что В. И. Ленин в отдельных работах и подчеркивал, что принятие почти всякой конституции знаменует собой существенное расширение участия народа в законодательном процессе и государственном управлении [13]. Классовая сущность понимания конституции проявлялась и в том, что советская теория права трактовала конституцию как модель в юридических формах («языком закона») основных параметров социальных процессов при социализме [17]. Конституции приписывались функция и роль социально-нормативной ориентации [14] или «нормативной модели идеального образа действительности». Иными словами, общественные отношения в советской системе

политических координат упорядочивались по воле государства инструментами права [24]. При этом субстанциональная автономность ее главного объекта - политики и политических отношений - признавалась лишь относительно [19]. Например, в 1974 г. В. Тенненбаум писал, что конституция закрепляет не только установившееся в обществе соотношение политических сил, но и организует его в соответствии с волей творцов основного закона [21]. Лишь в условиях перестройки приходит понимание конституции как политического документа. Так О. Кутафин уже определял конституцию инструментом политики и доказывал, что право лишь придает политике определенность, нормативность и общеобязательность [12].

Западная практика понимания конституции исходит из положения власти в государстве. Так, Г. Еллинек трактует конституцию как совокупность правоположений, определяющих высшие органы государства, порядок призвания их к отправлению своих функций, их взаимоотношения и компетенцию, а также положение индивида по отношению к государственной власти [8]. Для Ф. Хайека конституция означала документ, организующий распределение власти по важнейшим сферам политического управления [30]. Главным предназначением конституции он видел ограничение политической власти постоянными принципами, необходимость которых хорошо понимал уже Аристотель. Конкретизируя свои представления о конституции, Ф. Хайек писал, что по своей органической природе конституция призвана ограничивать живую персонифицированную власть и защищать закон. Защищая же закон, конституция одновременно ограничивает последний. Ведь она есть решительный ограничитель всякой государственной власти. Близкую к этому точку зрения высказывали и Г. Бреннан и А. Хемлин [25]. По мнению Д. Брайса конституция представляет собой правовой инструмент, предписывающий структуру, компетенцию и виды политических властей, взятых в совокупности с общим механизмом управления [26]. Известный английский правовед А. В. Дайси определял конституцию как совокупность норм, «которые прямо или косвенно намечают распределение верховной власти в государстве» [4].

М. Ориу в своем объемном исследовании, посвященном основам публичного права, понятие конституции определяет как «статут государства и прежде всего как статут нации... который должен поставить преграду увлечениям правительства путем всемогущей силы установившегося права» [18]. Для Г. Еллинека конституция выступала как законодательный акт, которым устанавливается организация высших органов государства, порядок призвания их к отправлению своих функций, их компетенция и основы положения индивида по отношению к государственной власти [8]. В свою очередь Т. Дезами, называя основные законы первоосновой социального здания, не отождествлял последние с конституцией, видя в конституции лишь проходящий политический документ [5]. Особую точку зрения выразил Д. Миглио, для которого конституция представляла всего лишь только пакт, который победившая власть налагает на побежденную сторону [29].

Вместе с тем, понимание необходимости конституции для современного государства исходит не только из теоретических посылок, но и существующей социально-политической практики. Конституция предстает как ограничитель любой политической власти, в том числе и демократической. Там же, где демократические институты не сдерживаются властью конституции, они могут привести общество к тоталитарной демократии и диктатуре плебисцита [22]. Во избежание этого высший закон должен быть не определенным перечнем решения проблем, а политическим соглашением на случай ситуаций, предварительное описание которых затруднительно или вообще невозможно. Считая, как и Д. Локк, что власть народа стоит выше власти правительства, Д. Ролз настаивал на закреплении в конституции политических идеалов гражданского общества, так как видел в конституции собрание правил справедливой политической процедуры, форму инкорпорации равных для всех политических свобод, с помощью которых граждане осуществляют свое предназначение (*fair value*) способом открытым для всех [32]. Конституционное правление он считает высшим типом правления, осуществление которого не должно поручаться законодательным или судебным органам.

Следуя доктрине Д. Ролза, конституция одновременно принадлежит всем трем ответственным перед народом и связанным определенным образом ветвям власти. По его мнению, всякая подлинная конституция должна как бы инкорпорировать в себе три принципа справедливости: а) принцип свободы; б) принцип неравенства, выгодного всем; в) принцип равного доступа всех к политической власти. В конечном счете, как писал Д. Ролз, именно от конституции зависит, чтобы восприятие общества как системы честной кооперации усилий свободных и равноправных граждан перестало быть в нашем мире риторическим. Именно поэтому конституция всегда предлагает некую самоограничительную стратегию, позволяющую здравому смыслу общественности (*public reason*) контролировать социальные эмоции (*public passions*). Впрочем, как полагал Н. Бердяев, государство, как ценность низшего порядка, всегда стремится подчинить себе духовную жизнь общества, как ценность высшего порядка. Подобные же аргументы он применял и для отрицания необходимости подчинения личности социальной группе.

Политическая система способна находится в относительно стабильном состоянии исключительно при наличии конституции определяющей демократическое государство. Иначе можно сказать, что конституция, легитимируя само государство, обеспечивает социально-политический баланс государства и общества. При этом, уровень развития общества безусловно требует адекватного уровня легитимности самого государства. Ибо не связанное конституцией государство из попечителя гражданского общества всегда грозит превратиться в его хозяина - сверхгосударство. При этом, как справедливо отмечает П. Дракер, правительство из политического менеджера перерастает в тирана, захватывающего все общественные отправления [27]. Иначе говоря, конституция - надлежащая форма основополагающего узаконения политико-правового характера организации и функционирования власти в ее отношениях с субъектами гражданского общества. С точки зрения формы, конституция подобна кодексу политических принципов, которые необходимы и достаточны

для вывода основных политических следствий. В этом смысле создание конституции выступает важным проявлением диалектики политического, позволяющей человеческим отношениям воплощаться в форме конституционной государственности.

Список литературы

1. Возняк М. Українська державність. Відень, 1918. С. 5.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 380.
3. Гессен В. М. Основы конституционного права. 2-е изд. Пг., 1918. С. 31.
4. Дэйси А. В. Основы государственного права Англии. М., 1905. С. 27.
5. Дезами Т. Кодекс общности. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 83.
6. Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виржиния. М.: Наука, 1990. С. 171.
7. Дживелегов А. К. Конституция и гражданская свобода // Конституционное государство: сб. ст. 2-е изд. СПб., 1905. С. 41-42.
8. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 371.
9. Изензее Й. Государство и конституция. Государственное право Германии. М., 1994. Т. I. С. 8.
10. Кистьяковский Б. А. В защиту права // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 118.
11. Конституция Российской империи. СПб., 1905.
12. Кутафин О. Конституционные основы общественного строя и политики СССР. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 209.
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 252; Т. 16. С. 14; Т. 17. С. 345; Т. 22. С. 372.
14. Лучин В. Функциональные аспекты действия Конституции // Советское государство и право. 1983. № 11. С. 13.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 40.
16. Мережковский Д. Больная Россия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 141.
17. Общая теория социалистической конституции. М.: Наука, 1986. С. 3.
18. Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 583.
19. Пертцик В. Рецензия на работу: Степанов И. Конституция и политика. М.: Наука, 1984 // Правоведение. 1986. № 3. С. 120-121.
20. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 348.
21. Тенненбаум В. Категории «политика» и «власть» в науке конституционного права // Проблемы конституционного права. Саратов, 1974. Вып. 1 (2). С. 53.
22. Хайек Ф. Общество свободных. Лондон, 1990. С. 22, 23.
23. Энциклопедический словарь (Брокгауз и Ефрон). СПб., 1895. Т. 16. С. 87.
24. Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. 1987. № 14. С. 45-46.
25. Brennan G., Hamlin A. Economical Constitutions // Political Studies. 1996. Vol. XLIV. P. 606.
26. Bryce J. Modern Democracies. L.: Macmillan, 1921. Vol. 2. P. 10.
27. Drucker P. Post-Capitalist Society. USA: Harper Business, 1993. P. 121, 122.
28. Dworkin R. A Matter of Principle. USA: Harvard University Press, 1985. P. 54.
29. Ferrajoli L. Democracy and Constitution in Italy // Political Studies. 1996. Vol. XLIV. P. 461.
30. Hayek F. Law, Legislation and Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1979. Vol. 3. P. 37.
31. National Standards for Civics and Government. USA: Center for Civic Education, 1994. P. 53.
32. Rawls J. Political Liberalism. N.Y.: Columbia University Press, 1993. P. 337.
33. Sartori G. Democratic Theory. Westport: Greenwood Press, 1973. P. 291.